

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
ЕКОНОМІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра економічної теорії,
макро- і мікроекономіки

ПАРАДИГМАЛЬНІ ЗРУШЕННЯ В ЕКОНОМІЧНІЙ ТЕОРІЇ ХХІ СТ.

Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції

15 – 16 жовтня 2015 року

ПАРАДИГМАЛЬНІ ЗРУШЕННЯ В ЕКОНОМІЧНІЙ ТЕОРІЇ ХХІ СТ.

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
ЕКОНОМІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ЕКОНОМІЧНОЇ ТЕОРІЇ, МАКРО- І МІКРОЕКОНОМІКИ**

**УНІВЕРСИТЕТ ПРИКЛАДНИХ НАУК м. ШМАЛЬКАЛЬДЕН, НІМЕЧЧИНА
УНІВЕРСИТЕТ МЕНЕДЖМЕНТУ ТА ЕКОНОМІКИ (ISM), м. ВІЛЬНЮС, ЛИТВА
СХІДНО-КАЗАХСТАНСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ТЕХНІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ
Д. СЕРИКБАЄВА, м. УСТЬ-КАМЕНОГОРСЬК, РЕСПУБЛІКА КАЗАХСТАН**

ПАРАДИГМАЛЬНІ ЗРУШЕННЯ В ЕКОНОМІЧНІЙ ТЕОРІЇ ХХІ СТ.

**МАТЕРІАЛИ
II МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВО-ПРАКТИЧНОЇ
КОНФЕРЕНЦІЇ**

15 – 16 жовтня 2015 року

м. Київ

УДК 330.1 (3; 5; 8)
JEL A1; B4; D00; E00; O3

Рекомендовано для розміщення
на веб-сайті економічного факультету
Вченою радою економічного факультету
Київського національного університету імені Тараса Шевченка
(Протокол № 2 від «8» вересня 2015 року)

**Парадигмальні зрушення в економічній теорії XXI ст.: Матеріали
ІІ Міжнародної науково-практичної конференції. – К.: Київський
національний університет імені Тараса Шевченка, 2015. – 501 с.**

Редакційна колегія:

д-р екон. наук, проф., чл.-кор. НАН України В.Д. Базилевич,
д-р екон. наук, проф. А.І. Ігнатюк,
д-р екон. наук, доц. Т.В. Гайдай,
д-р екон. наук, доц. А.О. Маслов,
канд. екон. наук, доц. Л.О. Баластрик,
канд. екон. наук, доц. В.І. Кондрашова-Діденко,
канд. екон. наук, доц. О.В. Красота,
канд. екон. наук, доц. О.П. Нестеренко.

Представлені у матеріалах науково-практичної конференції тези учасників
подані в авторській редакції та відображають власну наукову позицію авторів.

Автори тез несуть повну відповідальність за точність наведених фактів,
цитат, економіко-статистичних даних, наукової термінології, імен власних,
джерел посилання.

© Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2015

П.С. Лемещенко, д-р экон. наук, проф.,
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА И НАУКА: ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИМЕЕТ ПРИОРИТЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Если обратиться к истории социально-экономического развития, то без преувеличения можно заметить, что старт, динамику современной экономической цивилизации с ее довольно сложными и противоречивыми результатами заложила политэкономия. И тем более странно, что это, пожалуй, единственная наука, которая оказалась сегодня за «бортом» своего освоения и развития на новой основе и даже исключена из научных классификаторов, учебных планов, программ вузов. Но дело не только в этом. Дело в том, что устранение политэкономических научных и образовательных традиций лишило политика, хозяйственника, индивида основы рационального, адекватного изменяющейся практике мышления, т.е. методологии, способу, методам и инструментам получения знания. Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., убедительно подтвердил, что сложившаяся экономическая модель нуждается в серьезной реконструкции, а ее теоретическая основа – экономическая теория с неоклассической методологией – в принципиальной парадигмальной замене. Оценивая причину современного общего кризиса, П. Кругман пишет: «Истинная редкость в мире – это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего... Единственно важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» [1, с. 296].

Если классическая политэкономия под влиянием научно-естественного сциентизма той эпохи *априори* заложили полную, хотя и не прописанную заранее рациональность мышления, предполагая при этом по преимуществу все же оптимальный конструктивизм державного (!), даже не государственного, а именно национального интереса, то неоклассики осознанно заложили в свою исследовательскую парадигму такие предпосылки как полнота информации индивида о рынке, узкий корыстный материально-денежный интерес, универсальные счетно-аналитические способности «экономического человека», нулевые трансакционные издержки рынка.

И если *рациональность* классической политэкономии базировались на необходимости познания и признания объективных экономических законов, то неоклассика закладывает в исследовательский процесс субъективистский индивидуализм, распространив мотивы и признаки его поведения на коллективы и все общество. Доминирующая познавательно-эвристическая функция науки сменяется узко позитивистско-прагматическим значением исследовательского процесса. Но все-таки целое не есть механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов,

руководствующих своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечит общего благосостояния и целостности.

Работы отдельных авторов по исследованию причин, последствий и возможностей современного кризиса отдельными авторами, комиссиями от МВФ, ООН, МБ, других международных институтов уже подводят к выводу, что «бывшие коммунистические страны после краха своей системы, сложившейся после второй мировой войны выбрали искаженный вариант рыночной экономики. Они поменяли своего прежнего бога Карла Маркса на нового – Милтона Фридмана, – пишет Дж. Стиглиц. – Но новая религия не служит им хорошо» [2, с. 273]. Поэтому надо думать самостоятельно исходя из общих мировых политико-экономических тенденций, понимая сложность и ответственность за предлагаемые выводы и то, кому ты служишь и за что и что из этого получается и создавать новые идеи и теории, соответствующие общим интересам мир-системы в целом и ее отдельных элементам странам национальным, не попирая их интересы и оскорбляя их за свою лояльность по отношению существующей несправедливости.

Впервые на несоответствие предпосылки об уровне рациональности и хозяйственных процессов еще в 50-е годы прошлого века обратил внимание Г. Саймон, сформулировав гипотезу о «неполной рациональности», зависимой от когнитивных способностей индивида, процедуры исследования и других условий. Что значит несоответствие? Это значит, что в рамках определенных традиций теория «развивалась?» на собственных, неверно сформулированных предпосылках о «разумности человеческого поведения», а практика функционировала, конечно, не сама по себе (!), но не в соответствии с выработанными принципами и прогнозами. Особенно это касается предпосылки о равновесии рыночной экономики, после каждой новой представленной модели «неожиданно» случался очередной экономический кризис. Например, кризис 1929-1933 гг. абсолютно не подтвердил прогнозы известных Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла. Иначе говоря, это был кризис всей неоклассической теории и особенно ее монетарной ветви. На тот период профессор И. Фишер был одним из самых популярных и авторитетных экономистов. Еще 17 октября 1929 г. он утверждал: «Цены акций достигли того, что можно назвать постоянно высоким плато» [3, р. 210]. Но уже 24 октября 1929 г. пришло первое катастрофическое известие с бирж об обвале цен на акции. И. Фишер потерял не только свой научный авторитет, но и все свои сбережения. Последующие кризисы не только не похожи друг на друга по своим причинам, последствиям и пр., но имеют и разное теоретическое объяснение, интерпретацию, движущую силу [4; 5]. Один из основных выводов истории кризисов и, естественно, «сопровождающих их теорий» заключается в том, что требуется новый целостный взгляд на современное мироустройство, его эволюцию хозяйственных отношений, их форм, подобный тому, который был зафиксирован классической политэкономией.

Во-первых, именно в исследовании системы объективных экономических законов и отношений человеческого общения (производства, распределения,

обмена и потребления) оформился предмет экономики как науки в ее классический интерпретации, предложив практике ее адекватный хозяйственно-политический образ, практичную и перспективную модель эволюции. Во-вторых, политэкономия позволила (и она в этом плане незаменима) определить стратегию и динамику политэкономического и социокультурного развития. В-третьих, предметная определенность, методология, категориальный аппарат позволил выявить потенциал, движущие силы складывающегося способа производства, эпохи с указанием ограниченности и перспективности одних экономических форм по сравнению с другими. В-четвертых, зафиксировать «несущую конструкцию» или основу общественно-экономического устройства как органическую составляющую определенного технологического способа производства, общественного уклада, экономической и морально-этической нормы поведения, политико-правового механизма координации и защиты интересов индивидов, их собственности. В-пятых, на основе складывающихся тенденций в траектории институциональных изменений определить прогноз возможных противоречий развития с выявлением соответствующих форм их разрешения. Наконец, политэкономия дает методологическую и инструментальную основу для анализа другим более конкретным экономическим дисциплинам.

В начале XX в. под влиянием специализации экономических дисциплин политэкономия распадается на ряд более частных наук: собственно экономику (экономикс), политологию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике. Единая методологическая основа или, иначе говоря, единый взгляд на политико-экономическое устройство и развитие были разрушены. А отдельные калейдоскопичные фрагменты отдельных частных дисциплин не могут воссоздать целое. Возник дефект знания подобный дефекту массы в физике. Смысл его в том, что частные знания отдельных экономических и других специализированных научных дисциплин не дают все-таки целостной синкретичной картины современной мир-экономики. А это сегодня принципиальный вопрос: каково направление, стратегия и основные хозяйственные формы развития современной мирохозяйственной системы, как в ней находят свое место национальные хозяйственные единицы с рамками полномочий и функциональных особенностей.

Сегодня на новом уровне названные выше проблемы проявляют себя с еще большей остротой. И в первую очередь определение системы и ее структурных элементов, генерирующих потенциал не к росту, поскольку последний может быть и деградирующим, а к развитию. При всем при том, что «ресурсы имеют значение», для социально-экономического развития наибольшее значение и силу имеют институты. Институты – это эндогенные феномены, система которых определяет не только размер дохода и богатства, но и результатов хозяйствования в более широком смысле слова: отношений общения, роста доверия, культуры, накопления опыта, образования, продолжительности жизни и пр. Поэтому этот результат следует рассматривать как функцию от

формируемых институтов: $y = f(I_1, I_2 \dots I_n)$, где $I_1, I_2, \dots I_n$ – это институциональные изменения конкретного политэкономического пространства и времени.

При всей своей важности в условиях современности *исследовательская программа* институционализма все же будет частным случаем политэкономии. Объект и предмет анализа институционалистов выходит за привычные ограниченные объектно-субъектные рамки «ресурсы-результаты» и производственные отношения. Институциональная программа исследований обращается к кумулятивному началу общества, как целого, так и различных его *составных элементов*. Это дает хозяйственной практике основу для *прогнозирования, планирования и проектирования институтов развития* страны, формируя иной арсенал инструментов госуправления.

Определение же верной «*формулы*» экономической идеологии для этих условий является крайне важной теоретической и практической проблемой, замыкающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности, на неформальном и формальном уровне, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономического *развития и роста*, их источниками, факторами и условиями. В частности институциональная среда может, как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования *социального капитала*, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано, прежде всего, с *институциональными изменениями*, имеющих дискретную траекторию эволюции и, в свою очередь, сопровождаются неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода *трансформационной ренты*. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий.

Также, как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой *предел положительной отдачи от своего функционирования*, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься *институциональным планированием и проектированием*, выявляя *историческую обусловленность и предпочтения* стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя путь и механизмы закрепления неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и *общественных органов*, чтобы исключить присвоение трансформационной *ренты* государством или частными лицами. Собственно, вышеназванные проблемы можно обобщить как *политэкономия институтов*. Критерием смены одних институтов на другие выступает соотношение *затрат и выгод, общественной пользы от институциональных инноваций*. Переходные институты в эпоху системных трансформаций играют роль

общественно–экономических *стабилизаторов*, а посему должны занять в экономической политике особую значимость.

Анализ показывает, что *финансовый капитал вступил в противоречие с капиталом как экономическим феноменом*, основанным на частной собственности и производительной норме поведения. Кроме общей мировой нестабильности система отношений вступила в противоречие против человека как вида и как социума. В условиях глобализации наметился переход традиционной власти от денег и государства к иным формам. Одновременно заложена основа *дестимулирования*, поскольку перераспределение прав собственности не носило экономического характера и обусловило значительное отклонение от известного равновесия по Парето. *Законы распределения*, на которые повлияла кредитно-денежная система в первую очередь, вступили в противоречие с *законами собственно воспроизводства*. Праздная жизнь как вторая сторона экономик рыночного типа небольшого числа богатых государств, которую критиковал еще Т. Веблен, оказалась навязанной и, следовательно, ближе к населению, чем жизнь производительная.

Для стимулирования развивающихся экономик надо исходить не из учетной ставки банковского процента как некой нормы поведения экономических агентов, а из возможной, планируемой нормы прибыли на затраты предприятий высокотехнологичных отраслей, которые могут служить критерием эффективности и ориентиром для цен на другие товары, заработную плату, налоги, трансферты и пр. С институциональной точки зрения мы должны учитывать, что монетарная мотивация с соответствующим поведением и организацией общества *не является доминирующей стратегией многих новых стран*, включая, например, Беларусь, Россию и Украину, где денежный приоритет находится во втором ряду ценностей. Но в реальной хозяйственной практике в альянсе с экономической политикой навязывается в качестве приоритета именно денежный интерес, который всегда выигрывает в финансовых играх, называемых «национальной финансовой политикой». К сожалению, реализуется этот интерес за счет бедных.

Таким образом, при всем притом, что в настоящее время экономическая наука утратила свою эвристическую объективность, все же хаотичная реальность и неопределенность рано или поздно заставляет теорию выстраивать свои заключения в соответствии с требованиями жизни, т.е. экономическими законами и социальными требованиями. Тенденции таковы, что «справедливость... представляет главную основу общественного устройства. Если она нарушается, как пишет А. Смит, то громадное здание, представляемое человеческим сообществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в крах» [6, с. 101].

Экономической науке сегодня пытаются придать ее новую значимость формализацией. Не вдаваясь в детализацию, в заключение приведем длинную, но, как нам представляется, необходимую цитату Дж. Кейнса: «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочны ответ, а в том,

чтобы обеспечить себя методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем. Поэтому после установления предварительных выводов путем последовательной изоляции одного за другим усложняющихся факторов мы теперь должны вернуться к нашей исходной позиции и учесть, насколько это возможно, вероятные взаимодействия всех этих факторов. Именно такова природа экономического мышления. Любой другой способ применения формальных принципов познания (без которых, однако, мы заблудились бы как в лесу) привел бы нас к ошибкам. Крупный дефект формализации экономического анализа с помощью *псевдоматематической символики* (курсив наш – П.Л.) в том именно и состоит, что все эти построения явным образом исходят из допущения о строгой независимости введенных в анализ факторов, и они теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы. ...Слишком большая доля современной «математической экономики» представляет собой по существу простую мешанину, столь же неточную, как и первоначальны допущения, на которых она основывается, причем авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринтах претенциозных и бесполезных символов» [7, с. 372–373].

Список использованной литературы

1. Кругман П. Возвращение великой депрессии. – М., 2009.
2. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после кризиса. – М., 2011.
3. Anderson B. M. Economics and the Public Welfare. – Indianapolis, 1979.
4. Лемещенко П.С. Экономические кризисы и структурные изменения хозяйственной системы // Банковский вестник. Минск: НБРБ, 2011. – № 19. – С. 5–12.
5. Лемещенко П.С. Современный экономический кризис и его институционально-антропологическая субстанция // JIS (Журнал институциональных исследований). – Ростов, ЮФУ, 2011. – Т. 3. – № 1. – С. 50–61.
6. Смит А. Теория нравственных чувств. – М., 1997.
7. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978.